

Глава 31. Ты осмелишься поцеловать меня?

Сяо Чу потянулся вверх.

Именно в этот момент, именно так. Сначала о губы Сяо Жаня скользнул гладкий кончик носа, а следом — мягкие, душистые, как лепестки цветка, губы Сяо Чу.

И замерли так.

Сяо Жань окаменел, боясь шелохнуться, — даже дышал с такой осторожностью, словно малейший выдох мог спугнуть это хрупкое, невесомое касание. Тёплое дыхание Сяо Чу щекотало ему щеку, и в нём чудился едва уловимый запах молока. Всё внимание Сяо Жаня, всё его существо сосредоточилось на губах — он жадно впитывал эту мягкость, этот жар, эту близость. Губы Сяо Чу затягивали, как омут, и Сяо Жань позабыл, где находится и кто он вообще такой.

Не прошло и мгновения — а может, прошла вечность, — как язык Сяо Чу робко скользнул наружу и едва коснулся его губ. Один лёгкий, стремительный штрих. Но этого было достаточно. Сяо Жань перевернулся и навалился сверху, уже не сдерживаясь, — и вскоре между ними не осталось ни единой преграды.

На рассвете он встал, приготовил завтрак и пришёл будить Сяо Чу. Тот лежал, залившись румянцем, и двумя руками до подбородка натянул одеяло. Глядя на него, Сяо Жань вдруг ощутил острую нежность, смешанную с чем-то похожим на вину. Он поклялся себе беречь этого человека. Никогда не давать ему поводов для обид.

Это было самое счастливое время.

Каждый вечер после работы — готовка вместе, прогулки по супермаркету, фильмы до ночи. Сяо Чу обожал петь, и они часто ездили в караоке, где просиживали по четыре часа подряд — до хрипоты, до полного изнеможения голосовых связок.

Вэнь Ле слушал, не замечая, что давно уже возит тряпкой по одному и тому же пятачку пола, натерев его добела.

— Подожди, — перебил он. — Сяо Чу — он был из наших?

Сяо Жань помолчал.

— Думаю, он знал заранее. Потому что первым сам потянулся ртом... — Он чуть запнулся и продолжил: — Потом я привёл его в гей-бар, и он держался там совершенно свободно. Только всё равно каждый раз, когда мы были вместе, у меня не выходило из головы, что это я его в это втянул. Вина никуда не уходила.

Сяо Жань очень берёг Сяо Чу — этого маленького, снежно-белого, нежно-розового мальчика с запахом молока. Любил сидеть, обняв его, перед телевизором, класть подбородок ему на плечо, тихонько покусывать мочку уха и вдыхать исходящий от него тёплый уютный запах. По ночам Сяо Чу забирался под его бок и прижимался на всю ночь, так что утром у Сяо Жана неизменно затекала половина тела.

— Сяо-гэ, я тебя люблю! — часто говорил Сяо Чу, глядя на него с мечтательной нежностью. — А ты меня любишь?

Сяо Жань кивал не переставая — как курица, клюющая зерно.

— Муж, я тебя люблю-люблю-люблю, я тебя до смерти люблю, — приставал Сяо Чу, — а ты тоже должен очень-очень-очень меня любить, договорились?

— И что мне для этого нужно делать? — спрашивал Сяо Жань, щёлкнув его по носу.

Глаза Сяо Чу принимались хитро вращаться.

— Вот этого я тебе не скажу! Это экзаменационный вопрос. Не сдашь — пойдёшь на пересдачу!

После чего он молниеносно впивался зубами в палец Сяо Жана и, пока тот охал от боли, с хохотом бросался наутёк.

Очень скоро Сяо Жань убедился, что сдать этот экзамен — задача нетривиальная.

Однажды в ресторане Сяо Чу переложил ему в тарелку все лучшие кусочки.

— Ты себе-то что оставил? — удивился Сяо Жань.

Сяо Чу открыл рот.

— Корми меня!

Был субботний полдень, самый разгар обеда в ресторане «Сяньюнь» на одноимённой улице. Сяо Жань попытался поменяться тарелками.

— Нельзя. Неприлично.

Сяо Чу надул губы до небес и поменял тарелки обратно.

— Ты же говорил, что любишь меня? Любовь должна выражаться в поступках! Или ты хочешь на пересдачу?

Делать было нечего. Под изумлёнными взглядами соседних столиков Сяо Жань покорно кормил с ложки самодовольно и коварно ухмыляющегося Сяо Чу.

Тот был вылитый ребёнок. Больше всего на свете любил, когда Сяо Жань вёл его на улицу Чжэнъи — перекусить в каждой лавке по очереди, с ветряной мельницей в одной руке и сахарной фигуркой или леденцом на палочке в другой, а к пуговице непременно привязан воздушный шарик. Говорил, что именно так чувствует себя любимым. Сяо Жань морщился от беспорядочной уличной еды, но едва Сяо Чу выдавал своё коронное «ну пожа-а-а-луйста» — медовым голосом, клейким как патока, мягким как рисовый пирожок — всё, он был сломлен. Сяо Чу давно это раскусил и пускал в ход безотказно.

Когда ноги уставали, Сяо Чу объявлял:

— Всё, устал.

И стоило им сесть на скамейку, следовало новое распоряжение:

— У меня жмут туфли. Меняемся.

У Сяо Чу был тридцать восьмой размер — он числился метр шестьдесят, хотя на деле едва дотягивал до ста пятидесяти восьми с половиной. У Сяо Жана при росте сто семьдесят был сорок второй. Как вообще можно было меняться?

— Ты же говоришь, что любишь меня! — не сдавался Сяо Чу. — Такую мелочь не можешь сделать? В «Моей дикой девчонке» парень вообще в женских шпильках ходил. Или тебе всё-таки на пересдачу?

Когда Сяо Чу начинал капризничать, исход был предreshён. Сяо Чу шлёпал впереди, утопая в огромных туфлях Сяо Жана, а следом плёлся тот сам — в крошечных ботинках, наступая на задники, кряхтя и морщась на каждом шагу.

Как-то раз они вышли из кино и проходили мимо Мемориала республики. Сяо Чу вдруг крепко вцепился в руку Сяо Жана.

— Муж, я тебя люблю. По-настоящему люблю, слышишь?

Сяо Жань насторожился.

— Чего ты на этот раз задумал?

— Ну ты меня любишь?

— Люблю.

— Тогда поцелуй меня здесь. Прямо у памятника.

Было около одиннадцати вечера, однако на улице ещё попадались прохожие. Целоваться на виду у всех, в самом центре города?

Пока Сяо Жань колебался, Сяо Чу незаметно запустил пальцы за его ремень.

— Не хочешь этот вопрос — можем перейти к следующему, — протянул он, и пальцы начали выразительно шевелиться, продвигаясь в более укромные места.

Сяо Жань взвесил все «за» и «против», прикинул, каким может оказаться следующий вопрос, и быстро чмокнул Сяо Чу в губы.

— Не считается! Минимум пятнадцать секунд!

И в Куньмине, городе вечной весны, у Мемориала республики, Сяо Жань оставил самый долгий поцелуй своей жизни — замирая от страха, захлёбываясь от восторга и зная, что не забудет этого никогда.

Вэнь Ле прыснул.

— Сяо-гэ, я всегда считал тебя таким серьёзным. Не думал, что ты на такое способен!

Сяо Жань с невесёлой усмешкой покачал головой.

— Сейчас оглядываюсь — и сам не верю. Но не жалею. Молодость не повторяется. Порыв не повторяется. Много можно сделать только тогда, когда ты молод. Упустишь — и второго шанса не будет.

Вэнь Ле задумался.

Чун-чун всё время твердил ему: осторожно, осторожно, держи себя в руках. Но Сяо Жань прав — есть вещи, которые нельзя откладывать. Упустишь момент — и он уйдёт навсегда.

В «Дорогом возлюбленном» Пурпурное Облако говорит: «Я, как мотылёк, — знаю, чем всё кончится, но всё равно лечу на огонь, не щадя себя».

Да. Если не решишься — будешь жалеть всю жизнь.

<http://bllate.org/book/18179/1756697>